

ЖАК ДЕРРИДА

Существуют ли государства-мошенники? Довод того, кто сильнее

Злоупотребление властью — составная часть самой суверенности. Что это значит относительно *rogue States* — «государств-мошенников»? Итак, сколько бы другие государства ни изобличали, ни обвиняли в нарушении права, в уклонении от права, во всевозможных перверсиях и девиациях те или иные *rogue States*, одни США могут объявить себя гарантом международного права, инициировать войну, полицейские операции или, наоборот, сохранить мир, поскольку у них есть сила. Именно США и их союзники в этих действиях, сами являются в качестве суверенных наипервейшими *rogue States*. Задолго до того, как на эту тему были собраны всевозможные материалы (вполне полезные и просветительские), которые содержат, например, обвинительную речь Н. Хомского или В. Блюма, а также работы, озаглавленные «*rogue States*». Не хочу обойтись несправедливо с этими смелыми произведениями, скорее я сожалею об отсутствии в них последовательной политической мысли, особенно относительно истории, структуры и «логики» понятия суверенности. Из этой «логики» следует, что *a priori* государства, находящиеся в состоянии войны с *rogue States*, сами являются таковыми в своей наиболее легитимной суверенности, злоупотребляя своей властью. Там, где появляется суверенность, появляются злоупотребление властью и *rogue States*. Злоупотребление — это закон пользования чужим имуществом, а каков закон, такова и «логика» суверенности, которая может господствовать только безраздельно. Точнее сказать, поскольку суверенность никогда не добивается этого господства иначе, чем каким-то предосудительным, ненадежным и непоследовательным образом, она может лишь стремиться к безраздельной власти на ограниченный период времени. Она не может стремиться ни к чему, кроме имперской гегемонии. Значит, не существует никаких других государств, кроме *государств-мошенников*. В возможности и в действии. Государство — это уже мошенник. И в мире по-прежнему гораздо больше государств-мошенников, чем мы думаем. *Больше государств-мошенников* — как это понимать? По-видимому, в конце этого большого витка можно было бы попытаться ответить «да» на вопрос, прозвучавший в заглавии: «Довод того, кто сильнее: существуют ли государства-мошенни-

ки?» Да, на самом деле, они есть, но их гораздо больше, всегда больше, чем думают и говорят. Вот здесь-то и первый поворот. Но вот уже и последний поворот, совсем последний. Последний оборот поворота, цикла или *revolving door* (вращающейся двери). В чем это заключается? Сначала можно было бы попытаться, но я не поддаюсь этому искушению такому же легкому, как и вполне законному, предположить, что там, где все государства трансформируются в государства-мошенники, где мошенникократия — это и есть *кратия* государственной суверенности, там, где нет никого, кроме мошенников, уже и нет мошенников. *Больше мошенников*. Там, где всегда больше мошенников, чем говорят и заставляют верить, нет больше мошенников. Но помимо этой внутренней, органически присущей необходимости вывести в некотором роде из употребления смысл и значение слова «мошенник». Чем их больше, тем их становится меньше. И как только «больше мошенников», «больше государств-мошенников» начинает означать совершенно противоположные вещи, возникает другая настоятельная потребность покончить скорее с этим обозначением, очертить свою эпоху и ограничить частое, регулярно повторяющееся, использование этих терминов Соединенными штатами и некоторыми их союзниками.

Моя гипотеза такова: с одной стороны, эта эпоха началась с так называемой холодной войны, во время которой две сверхвооруженные супердержавы, основоположники и бессменные члены Совета безопасности считали возможным установить порядок в мире через равновесие ядерного и межгосударственного террора. С другой стороны, даже если мы будем продолжать пользоваться тут и там подобным речевым оборотом, конец этой эпохи был театрально объявлен и медиатеатрально утвержден 11 сентября (дата необходимая, чтобы экономно ссылаться на событие, которому не соответствует ни одно определение. Это было событие структурно образованное как *политическое* и *общественное* с помощью могущественной медиатеатрализации, рассчитанной с обеих сторон, по ту сторону всех трагедий и жертв, перед которыми можно только склониться в безграничном сочувствии). Вместе с башнями Международного торгового центра *зримо* рухнуло все устройство (логическое, семантическое, риторическое, юридическое, политическое), которое сделало полезным и значительным разоблачение в целом вполне внушающих доверие государств-мошенников. Очень скоро после развала СССР («развала» поскольку здесь имела место одна из предпосылок, одна из первых рухнувших башен), Клинтон с приходом к власти, начиная с 1993 г., положил начало политике репрессий и санкций по отношению к государствам-мошенникам, бросая в адрес Организации объединенных наций заявление, что его страна будет использовать средства, которые ей кажутся соответствующими одной очень исключительной статье (статье 51), и что, я цитирую, Соединенные штаты будут действовать «*по возможности многосторонними способами, и если будет необходимо — одним*». Это заявление было пущено в ход еще не раз: например, Мадлен Олбрайт, когда она была послом при ООН или Уильямом Коэном, заместителем министра обороны. Он заявлял, что с государствами-мошенниками в целом Штаты готовы вступать в военный конфликт в одностороннем порядке (то есть, без согласия ООН или Совета безопасности), всякий раз, когда подвергаются опасности их жизнен-

ные интересы. И именно жизненными интересами он хотел оправдать, я цитирую, «*беспрепятственный доступ к ключевым рынкам, к энергетическим и стратегическим ресурсам*», равно как и все остальное, что будет определяться, как жизненный интерес, он оправдывает «*национальной юрисдикцией*». Достаточно было бы и того, что внутри Штатов и ни с кем не советуясь, американцы обосновывали бы свои действия тем, что их жизненные интересы повелевают им атаковать, дестабилизировать или низвергать любое государство, чья политика не соответствует этим интересам. Чтобы оправдать эти суверенные, односторонние действия, эту безраздельную суверенность, это насилие над предположительно демократическим институтом Объединенных наций, чтобы оправдать доводы сильнейшего, нужно было бы постановить, что государству, признанному агрессором, должен предъявляться иск по поводу мошенничества. «*Государство-мошенник*, говорил Роберт С. Литвак, *это государство, определяемое Соединенными штатами как таковое*». И непосредственно в момент объявления об односторонних действиях, Штаты автоматически оказываются в положении государств-мошенников. Государства-мошенники, Соединенные штаты, были 11 сентября официально уполномочены ООН, действовать подобным образом, то есть принять все меры, считающиеся необходимыми, чтобы повсюду защищаться от «*международного терроризма*». Но что же произошло или точнее было доведено до сведения общества, сформулировано, подтверждено 11 сентября? Что проявилось в тот день, день вовсе не такой неожиданный, как полагают, помимо всего, что могли по этому поводу более или менее легитимно сказать, и о чем я не перемену своего мнения? Это массивный и слишком очевидный факт: после холодной войны абсолютная угроза больше не имела форму государства. Если во время холодной войны эта угроза контролировалась двумя государственными сверхдержавами с помощью равновесия террора, то сейчас распространение ядерного потенциала за пределы Штатов и стран их союзников не контролируется ни одним государством. Даже если попытаться предотвратить последствия, есть множество симптомов, которые с очевидностью показали бы, что если и была нанесена травма США и всему миру 11 сентября, она не заключена в травму как таковой или в оскорблении, вызванной тем, что уже по существу произошло, только что действительно произошло и рискнет еще не раз повториться, а скорее в абсолютно достоверном дурном предчувствии *последующей и худшей* угрозы. Травма остается болезненной и неизлечимой, поскольку исходит из будущего. Виртуальная травма. Эффективное и неожиданное нанесение травмы, когда ранили, но ранения еще не было — шок. Ожидание травмы развивается из будущего. В этом случае, будущее — это не предположительное падение других башен и других подобных структур, и даже не бактериологическая, химическая или «информационная» атака, хотя и этого никогда нельзя исключать. Худшее в будущем, это ядерная атака, угрожающая разрушить государственный аппарат Соединенных штатов, то есть, аппарат демократического государства, (чья гегемония насколько очевидна, настолько и хрупка, фактически в кризисе), государственного устройства мнимого гаранта, единственного и последнего хранителя мирового порядка нормальных и суверенных государств. Эта виртуальная ядерная атака не включает другие, сопровождающиеся химической, бактериологической, ин-

формационной агрессией. Такого рода атаки уже давно поселились в воображении, с момента появления термина *rogue State*. Но тогда они были идентифицированы в своем происхождении, была установлена их принадлежность государствам и организованным, стабильным, локализуемым державам, несклонным к самодеструкции или предположительно несклонным, а значит восприимчивым к оружию массового уничтожения. В 1998 г. *House Speaker, Newt Gingrich*, довольно громко заявил, что СССР внушал доверие, пока правление в нем осуществлялось бюрократически и коллективно, а, значит, он не мог быть потенциальным самоубийцей. Добавлялось также, что к несчастью, нельзя сказать то же самое о двух-трех режимах в мире в настоящее время. Надо было бы уточнить, что вообще даже речи больше не идет о государствах или режимах, статичных образований, связанных с конкретной нацией или территорией. Очень быстро, я сам это видел в Нью-Йорке, меньше месяца спустя 11 сентября, члены Конгресса говорили по телевизору, что превентивные технические меры приняты, чтобы какой-нибудь налет на Белый Дом не разрушил бы в несколько секунд госаппарат и все, что представляет собой правовое государство. Президент, вице-президент и все конгрессмены не будут находиться вместе в одном и том же месте, в одно и то же время, как это иногда случалось, например, в день Президентской декларации о положении Союза. Эта абсолютная угроза еще сдерживалась во время холодной войны теорией стратегических игр, но не теперь, когда угроза не исходит больше от конституционного государства, ни даже от государства, которое можно было бы потенциально считать мошенником. Это обрекает на тщетность и бесполезность все риторические усилия (не говоря о военных расходах) для оправдания слова «война» и тезис, по которому «война против международного терроризма» должна ударить по определенным государствам, которые служили финансовой опорой, хозяйственно-технической базой и одновременно оплотом терроризма, могли финансировать и укрывать террористов, то есть, как там говорят — *sponsor and harbour*.

Война и терроризм

Все эти старания по идентификации государств-«террористов» или «мошенников» — это «рационалистические обоснования», призванные скрыть больше чем абсолютную тревогу, просто панику и ужас перед неконтролируемой угрозой. С помощью этой идентификационной проекции нужно было скрыть, но для начала самим осознать, что оружие массового уничтожения предположительно производится в местах, не подчиняющихся больше никакому государству. Даже государству-мошеннику. Такие же усилия, такая же жестикуляция и те же «рационалистические обоснования», те же запирательства были потрачены впустую, при отчаянных попытках идентифицировать эти государства и обеспечить выживание таких агонизирующих понятий как, к примеру, «война» (в духе старого доброго европейского права) или «терроризм». Мы отныне не имеем дела ни с классической межгосударственной войной, поскольку ее как таковую Штатам никто не объявляет и в нее не ввязывается; ни с гражданской войной, ни даже с «партизанской» (исходя из этого интересного понятия Шмитта), поскольку речь уже не идет о сопро-

тивлении оккупантам, о революционной борьбе или борьбе за независимость, за освобождение от колониального гнета или за создание нового государства. По этим причинам будем считать понятие терроризма неуместным, поскольку оно ассоциировалось прежде всего с «революциями», «войнами за независимость» или «партизанскими войнами», для которых государство было всегда смыслом, целью и полем боя. Больше не осталось никаких других государств, кроме мошенников, и соответственно больше нет государств-мошенников. Это понятие достигло предела своих возможностей и приблизилось к более чем ужасающему концу своей эпохи. Этот конец всегда был близок, с самого начала. Ко всем этим в некотором роде концептуальным признакам, которые я только что из него извлек, нужно добавить еще один обозначающийся симптом иного порядка. Те, кто при Клинтоне больше всех форсировал и интенсифицировал эту риторическую стратегию и злоупотреблял демонизирующим выражением *rogue States*, 19 июня 2000 г. публично объявили, что решили отказаться, по крайней мере, от такого словосочетания. Мадлен Олбрайт известила, что Госдепартамент больше не видит в этом термине надлежащего обозначения, и отныне в дискурс вводится нейтральное, более сдержанное выражение — *States of concern*. Как перевести *States of concern*, сохраняя серьезность? Скажем так: «Государства, вызывающие озабоченность», государства, доставляющие нам немало хлопот, но так же государства, за которые мы не на шутку тревожимся, которыми мы должны заняться, чтобы хорошо изучить их сложный случай. Случай — в медицинском и юридическом смысле. На самом деле, как было замечено, отказ от предшествующей терминологии свидетельствует о настоящем кризисе системы и бюджета ракетной и противоракетной обороны. После чего, если Буш и реанимировал то там, то здесь прежнее выражение, оно все равно навсегда уже устарело. Во всяком случае, такова моя гипотеза, с помощью которой я пытался обосновать последний довод. Безосновательное основание. Слово «мошенник» возникло из глубины, оно имело свою историю, и, как и слово «гоуге» оказалось не вечным. Хотя сами по себе эти слова переживут «государства-мошенники» и *rogue states*, которым они, собственно, предшествовали.

Январь 2003

Перев. с франц. Юлии Бессоновой

Текст печатается по изданию: LE MONDE DIPLOMATIQUE, JANVIER 2003, Page 10